

Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье»*

7—12 декабря 1981 г. в Москве состоялась Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье», организованная Государственным музеем искусства народов Востока и Всесоюзным научно-исследовательским институтом реставрации Министерства культуры СССР. Конференция была приурочена к 20-летию работы совместной экспедиции Института востоковедения АН СССР, Института археологии АН УзССР и учреждений Министерства культуры СССР на Кара-тепе (буддийский культовый центр первых веков н. э. на городище Старого Термеза, Узбекская ССР). Этому же событию была посвящена и выставка «Древности Кара-тепе», открытая в Гос. музее искусства народов Востока.

В работе конференции приняли участие специалисты из республик Средней Азии (Ташкент, Ашхабад, Душанбе), Закавказья (Баку, Ереван, Тбилиси), РСФСР (Уфа, Махачкала, Орджоникидзе, Ростов-на-Дону, Краснодар), научных центров Москвы и Ленинграда. За время работы конференции было прочитано и обсуждено 65 докладов.

Пленарное заседание открыл *Б. Я. Ставиский* (Москва), который посвятил свое выступление основным итогам работ 1961—1981 гг. на Кара-тепе. За это время были получены данные, позволившие установить характер памятника и поставить ряд общих вопросов. В результате исследований удалось выяснить, что этот буддийский культовый центр Термеза кушанского времени включал десятки отдельных комплексов со сложной системой пещерных и наземных помещений. Докладчик отметил, что расположение буддийского комплекса под защитой внешней стены Термеза, а также некоторые эпиграфические находки позволяют говорить о связи Кара-тепе с высшей кушанской властью. Свидетельством этого является и богатое убранство помещений комплекса. Айваны дворцов и пещерные храмы Кара-тепе нередко украшала монументальная орнаментальная и сюжетная живопись. В святилищах, храмах и дворах найдены фрагменты каменной, ганчевой и глиняной скульптуры, а также каменные архитектурные детали (среди них декоративные пилястры, капители, часть раскрашенной колонки и т. п.). Раскопки Кара-тепе обогатили науку большим числом эпиграфических находок. Здесь открыты надписи на бактрийском языке кушанским письмом, индийские надписи письмом *кхарошти* и *брахми*, среднеперсидские надписи и др.

Вопросам религиозно-идеологических представлений северокавказских гуннов был посвящен доклад *С. Г. Кляшторного* (Ленинград) «Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии». Осветив проблему становления религиозно-мифологической системы древних тюрков, автор доклада пришел к выводу о том, что в окончательном виде она складывается в Центральной Азии (III в. до н. э. — II в. н. э.). *М. Н. Погребова* (Москва) в докладе «О некото-

* Доклады, посвященные проблемам культурных взаимосвязей народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в средневековье, здесь не рассмотрены.

рых общих элементах в культуре Закавказья и Ближнего Востока во II—I тыс. до н. э.» рассмотрела ряд вопросов, связанных со сходством мифологических представлений у народов, населявших Иран и Закавказье в указанный период.

На заседаниях трех секций, выделенных по хронологическому признаку, были прочитаны доклады, посвященные более частным проблемам.

В докладе «О трактовке изображений на серебряных сосудах из Майкопского кургана» *Е. В. Антонова* и *Д. С. Раевский* (Москва) предложили новую интерпретацию изображений на этих сосудах, относя их к числу мифологических текстов. Воздерживаясь от определенных выводов относительно этнокультурной принадлежности исследуемых памятников, докладчики ограничились постановкой связанных с этой проблемой вопросов, требующих дальнейшей углубленной разработки. С докладом «Дольмены Западного Кавказа в свете изучения западноевропейских мегалитических камерных гробниц» выступил *В. А. Дмитриев* (Ленинград). О стилистической общности пластики Южного Кавказа и хетто-хуритского круга эпохи бронзы и раннего железа говорила в своем выступлении *В. В. Блаж* (Ленинград). *В. А. Кореняко* (Москва) в докладе «Курган у села Новозаведенное на Ставрополье (К проблеме находок ассирийских вещей в курганах раннескифского времени)» высказал мнение, что помещение предметов ассирийского происхождения в раннескифские погребальные комплексы следует датировать не VII в. до н. э., а первой половиной VI в. до н. э. (т. е. после возвращения скифов из Передней Азии). Это мнение было подвергнуто аргументированной критике в выступлениях *В. Г. Петренко* и *А. М. Лескова*.

Доклад «О некоторых формах переднеазиатских топоров в Армении» предложили вниманию присутствующих *С. А. Есаян* и *А. С. Пилипосян* (Ереван). Переднеазиатские топоры, которые с ранних пор проникли в Армению и Закавказье, свидетельствуют, по мнению авторов, о связях Армении с Передней Азией. В докладе были рассмотрены типы этих топоров начиная с эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.) вплоть до I тыс. до н. э. Авторы особо остановились на тех формах, которые послужили основой для создания местных типов.

Вопрос о бронзах лчашенского типа и их аналогах в металлопластике Передней Азии был темой выступления *Л. Г. Арутюнян* (Ереван). На основе анализа стилистических особенностей докладчик пришел к выводу, что, несмотря на близость бронз лчашенского типа к изделиям отдельных районов Передней Азии, металлопластика памятников Лчашена развивалась самостоятельно, опираясь на местные традиции предшествующего периода. В докладе *М. Маммаева* (Махачкала), посвященном культурным контактам древнего населения Дагестана со скифо-савроматским миром в середине I тыс. до н. э., говорилось, что в результате длительного контакта населения Северо-Восточного Кавказа со скифо-савроматским миром была подготовлена почва для внедрения в материальную культуру этого края элементов скифо-сарматской культуры и проникновения праязычного населения степей Поволжья в центральные и предгорные районы Северного Кавказа. По материалам декоративно-прикладного искусства сделали доклад *Р. Г. Кузеев*, *А. Х. Пшеничник*, *В. А. Иванов* (Уфа), в котором сообщалось об этнокультурных связях народов Южного Урала с Центральной и Средней Азией в древности и средневековье.

Н. В. Анфимова (Краснодар) в докладе «Экспансия Боспора в Западном Прикубанье (К вопросу о меото-боспорских отношениях)», опираясь на данные археологических памятников, сделал вывод об активном проникновении Боспора в Западное Прикубанье намного раньше правления Левкона I (хотя, судя по эпиграфическим памятникам, боспорская экспансия в Западное Прикубанье начинается с его правления), уже в период Спартокидов.

Большую группу импортной тары с могильника городища № 2 у хут. им. Ленина Динского р-на Краснодарского края классифицировал в докладе «Античный керамический импорт IV—III вв. до н. э. из Среднего Прикубанья» *А. Э. Аптекарев* (Краснодар). Рассмотренный им материал пополняет сведения об античном импорте с Боспора в Среднее Прикубанье в IV—III вв. до н. э. и дает дополнительные данные о связях Боспорского царства с различными центрами Средиземноморья и Южного Причерноморья в это время. Вопросу об античном импорте в степном Прикубанье во II в. до н. э. был посвящен доклад *И. Н. Анфимова* (Краснодар), основанный на материа-

лах погребального комплекса близ хут. Элитного, в котором значительное место занимают изделия, происходящие из различных регионов античного мира.

Основой доклада *И. В. Брашинского* (Ленинград) «Об одном феномене предкавказского импорта IV в. до н. э.» стало рассмотрение уникальных находок амфоры так называемого финикийско-пунийского типа и комплекса остатков украшений в виде полихромных антропоморфных подвесок из финикийской стеклянной пасты на Елизаветовском поселении. Найденные предметы ставят ряд новых проблем культурно-экономических взаимодействий населения предкавказского региона в скифское время. Как отмечалось в докладе, помимо установления самого факта уникального восточного импорта следует более точно локализовать его, выяснить пути проникновения и т. д. *Ю. М. Десятчиков* (Москва) в докладе «Митридат Боспорский и Зорсин Сиракский» коснулся истории сирако-боспорских отношений в середине I в. н. э., основываясь на 15—21-й главах XII книги *Анналов Тацита*.

О тесных взаимосвязях Иберии с греко-римским миром, которые особенно ярко проявились в культурно-бытовой сфере, свидетельствуют раскопанные на территории городища Дзалиса бани (I—III вв. н. э.) и сюжеты обнаруженных там мозаичных полов. С результатами этих раскопок ознакомили присутствующих *А. В. Бахчадзе* и *Н. Г. Мирианашвили* (Тбилиси) в докладе «Античное городище Дзалиса». На основе изучения нумизматических данных *М. М. Расулова* (Баку) в своем выступлении говорила о связях Кавказской Албании с Парфией во II—I вв. до н. э., объясняя широкое распространение парфянских монет на территории Кавказской Албании со времен Митридата I ее возросшим торговым потенциалом, вовлечением ее в сферу экономического влияния государства Аршакидов. Выступление *Г. Г. Туркиной* (Баку) было посвящено изучению религиозных представлений кавказских албанцев в древности и средневековье.

Датировке «Перипла Эритрейского моря» — важного нарративного источника, освещающего связи Римской империи с Востоком, был посвящен доклад *А. Г. Лундина* (Ленинград). Результаты анализа южноаравийских материалов «Перипла» позволили автору доклада датировать окончательную редакцию памятника началом III в. н. э. С докладом «Сакский панцирь и его роль в развитии защитного вооружения Евразии» выступил *М. В. Горелик* (Москва), который считает ошибочным мнение некоторых исследователей о том, что тяжелое защитное вооружение распространилось из Средней Азии на юг и восток. Проследив историю возникновения и распространения сакского панциря в различных регионах древнего мира, М. В. Горелик пришел к выводу, что сакский панцирь становится основным типом доспеха в Центральной Азии лишь в первой половине I тыс. н. э. До этого времени там существовали местные типы тяжелого вооружения. *И. Т. Кругликова* (Москва) и *В. А. Лившиц* (Ленинград) посвятили свой доклад исследованию изображений на буллах из Джига-тепе (Северный Афганистан), относящихся к кушано-сасанидскому периоду. Всестороннему изучению подверг *С. А. Узалиев* (Москва) статуетку богини в докладе «Серебряная статуетка, найденная на Такти-Сангине». Результаты исследований металлических изделий из Такти-Сангина были изложены в докладе *М. С. Шемаханской* (Москва). *В. Г. Шкода* (Ленинград), выступивший с докладом «Пенджикентские храмы и кушанское наследие», говорил о посреднической роли кушан в распространении иранских и индийских элементов в согдийском искусстве. *В. А. Мешкерис* (Ленинград) посвятила свое выступление вопросам, связанным с классификацией и художественным анализом терракот кушанской Бактрии. Анализ музыкальных инструментов в росписях Топрак-калы был посвящен доклад *Ю. А. Рапопорта* (Москва).

Исследованию различных археологических памятников на территории Средней Азии, их датировке и исторической интерпретации были посвящены доклады *Б. И. Вайнберг* (Москва) и *Х. Ю. Юсуповой* (Ашхабад) «Культовый комплекс древних скотоводов на Узбое», *О. В. Обельченко* (Москва) «Кочевники Зарафшана и Сибирь», *В. Н. Пилипко* (Ашхабад) «Памятник раннежелезного века Гарры-Кяриз I» и *Г. Л. Седовой* (Москва) «Археологические исследования комплекса Кабадиана середины IV—V в. н. э.». С результатами исследований отдельных археологических памятников, связанных с буддизмом, ознакомили слушателей *Т. И. Займаль* (Ленинград). *Б. И. Тургунов* (Ташкент) в докладе «Новые данные к истории Айртама», проанализировав характер погребений теперь уже полностью изученного Айртамского могиль-

ника, особо отметил интереснейшую находку — скульптурный блок с надписью. Это пока первая монументальная бактрийская надпись, найденная на территории Средней Азии, и первая бактрийская надпись, сопровождающая скульптуру. Надпись имеет первостепенное значение для понимания истории создания Айртамского культурного комплекса и его датировки.

В отдельную группу можно выделить доклады, посвященные всестороннему изучению Кара-тепе. Докладчики рассматривали конкретные вопросы архитектуры, живописи, эпиграфики этого памятника. В результате архитектурно-археологических исследований комплекса *О. А. Туманова* (Ленинград) выявила некоторые изменения в композиционной планировке Кара-тепе, а также закономерности в декоративном оформлении помещений, о чем говорилось в ее докладе «Архитектурные работы на Кара-тепе». В своем выступлении *М. А. Витренко* (Москва) говорила о художественных особенностях сюжетной живописи Кара-тепе, истоки которой она видит в эллинизированном искусстве Бактрии. С итогами изучения индийских надписей и надписей неизвестным письмом из Кара-тепе ознакомила участников конференции *В. В. Вертоградова* (Москва). На основе анализа иконографии кара-тепинского будды *Г. И. Еремин* (Москва) в своем выступлении говорил о значении Кара-тепе для изучения культурно-исторических евразийских связей I—IV вв. н. э. *Ю. Н. Полев* (Москва) выступил с докладом «О мифологии Великого Змея в храмовом искусстве буддизма в связи с раскопками на Кара-тепе. (К постановке вопроса)».

На заключительном пленарном заседании с докладом «Проблематика истории и культуры буддизма в Средней Азии» выступил *Б. А. Литвинский* (Москва). Он подчеркнул, что среднеазиатский буддизм со своей доктриной — это интегральная часть древнего мира. Буддийские учреждения явились важными элементами социальной и экономической структуры Кушанского государства и посткушанских государственных образований. Буддизм явился «проводником» индийской культуры в Среднюю Азию.

Взаимоотношениям Алянии и Византии был посвящен доклад *В. А. Кузнецова* (Орджоникидзе) «Аляния и Византия». Докладчик определил основную территорию византийского влияния на Северном Кавказе (западная часть Алянии) и, выделив четыре этапа в аляно-византийских отношениях, проследил историю их развития от зарождения контактов до крушения Алянии в результате нашествия татаро-монголов. С докладом «Шедевры искусства храма Окса как источник информации о внешних культурных контактах Бактрии» выступил *И. Р. Пичикян* (Москва). На основании анализа археологического материала он пришел к выводу, что в Бактрии конца IV—II в. до н. э. существовало несколько местных скульптурных школ. Находки в храме Окса свидетельствуют, по мнению докладчика, о длительных и широких контактах Северной Бактрии с Ираном, Индией, Афганистаном и античным Средиземноморьем.

«Первый год работы Кавказской археологической экспедиции ГМИИВ» — так назывался совместный доклад сотрудников экспедиции, который прочитал ее руководитель *А. М. Лесков* (Москва). Докладчик сообщил, что получен богатый археологический материал, характеризующий культуру населения Закубанья от эпохи бронзы до позднего средневековья. Работы на грунтовом могильнике под ст. Новосвободная дали материал VIII—VII вв. до н. э. (оружие, конские уборы, украшения). Богатый комплекс женского средневекового погребения (ткани, золотые украшения) был открыт в одном из курганов возле г. Теучежка. Там же был выявлен интересный сарматский комплекс с оружием, бронзовой, керамической и стеклянной посудой импортного производства, украшениями из золота (местными и импортными) и полудрагоценных камней. Наибольший интерес представляют исследования кургана в ауле Улян. Здесь был обнаружен богатый погребальный комплекс скифского времени, также представленный находками оружия, бронзовой утвари местного (котлы) и импортного производства (большой таз с фигурными ручками, украшенными врезными пальметками, и сосуд с витой ручкой и атташем в виде головы кабана под ней) и многочисленными золотыми украшениями в скифском «зверином стиле». Кроме того, найдены шесть остродонных амфор круга Фасоса, которые можно датировать первой половиной IV в. до н. э. Уникальны находки образцов скульптуры: фигурок оленя и кабана, выполненных в технике сочетания трех материалов: дерева, серебра, золота. Такое сочетание встречено в погребениях скифского времени впервые. Эти находки проливают новый свет на культуру и искусство скифского времени.

И. В. Ксенофонтова